Арабов Юрий 07.99

СИНЕМА

В ПОЛЕ СВОБОДЫ

(Окончание. Начало на стр. 9)

Я его рассматриваю как человека, который выполняет темную миссию. Как сказал бы Даниил Андреев, в Гитлере чувствуется инспирация немецкого демона государственности – немецкого Уицраора. Но дело не в этом – подобные фигуры возникают в человеческой истории. Оправдывать их не имеет смысла, поскольку грехи, ими совершенные, не поддаются осмыслению до сих пор. И все-таки за неудачей Гитлера просматривается не полный его разрыв с человечностью, не тотальный... Он много сделал, может, на три четверти с человечностью разорвал, но оставался еще какой-то островок. Благодаря этому островку он и проиграл.

– Во благо себе...

– Может быть, отчасти во благо себе, может быть, отчасти во благо Германии...

– А сейчас американцы и НАТО...

– Американцы и вообще весь Запад своими бомбардировками подтвердили, что они не являются христианскими странами. Страна, называющая себя христианской, не может на зло отвечать злом. Не могут за зло определенного властителя, зло государственной системы нести прямую ответственность дети, которые родились на территории этой страны. И если уничтожение этих детей допускается, следовательно, мы имеем дело со все тем же глубоким духовным кризисом, который развивается не только у нас, но и в западном мире. Мы имеем дело с фарисейством, мы имеем дело с неискренностью, мы имеем дело с благими намерениями, которыми вымощена дорога в ад. После этих бомбардировок ясно, что рассчитывать нам в духовном смысле на какую-либо западную модель общества, в общем-то, не приходится, покуда мы остаемся православными хоть в чем-то... И покуда у нас все-таки православная точка зрения, которая говорит нам: нельзя на зло злом отвечать, а нужно прервать звено греха. Но говорить о том, что в Америке появился новый Гитлер, мягко говоря, преждевременно.

– Америке сейчас не нужен ни новый Гитлер, ни новый Махатма Ганди. Там не может проявиться личность, если не брать за критерий личности количество присвоенных легальным или нелегальным путем денег!

– Да, ты совершенно прав, личности там нет, там есть определенная система ценностей. Как выяснилось, система ценностей не духовного содержания. Выяснилось, что цивилизация, которую они построили, в каких-то своих принципах очень сильно разошлась с духовностью, если под духовностью понимать традиции христианской культуры, христианского мировоззрения.

Бомбардировки отвратительны, они говорят о настоящем духовном кризисе. И в этом плане понятно, почему, согласно опросам общественного мнения, самый замечательный актер там Майкл Джексон. Так же понятно по опросам нашего общественного мнения, что лучший композитор XX века – Игорь Крутой... Если мы сравним эти две величины, то многое поймем. Поймем, что процессы развиваются аналогично, общественное мнение развивается аналогично – оно зомбировано по обе стороны Атлантики. Но в первом случае человек умеет танцевать хотя бы, а во втором случае человек даже танцевать не может.

– А какое у тебя впечатление от подрастающей смены драматургов российского кино?

– Со студентами нормально. Но со студентами непросто в том плане, что я готовлю 28 сценаристов каждый год, при том, что в стране нет кинопроизводства, киноиндустрии. Если это нормальные дела, значит, это нормально. От меня зависит только одно: добросовестно обучить их основам ремесла, которым я владею. Я стараюсь это делать более или менее честно. Скажем так: честно настолько, насколько мне это позволяет здоровье, конкретная ситуация. Я стараюсь добросовестно их учить, и они выходят в мир, которому практически не нужны. Все ребята, в общем, неплохие, интересные, но есть часть ребят, у которых лучше получается, больше попали, у других хуже – больше отстали.

– Недавно ты был в Китае, расскажи...

– Давно не выезжал, а тут пришло приглашение из Пекинской киношколы, по обмену. И я вместе с Юсовым и Хуциевым плюс ректор института и проректор института по иностранным связям ездил на подписание договора о взаимодействии ВГИКа и Пекинской киношколы. Посмотрел на Пекинскую киношколу, прочел там лекцию, посмотрел на Пекин...

Они выпускают около ста фильмов в год. Причем те фильмы, которые получают призы на международных фестивалях, незнакомы широкому кругу зрителей. Продукцию, которая идет на экранах, я не видел, – говорят, что это что-то очень близкое к индийскому кино. В Китае до сих пор достаточно сильная цензура, существует цензурный комитет, обойти который очень трудно. Один из способов избежания цензуры – это post production монтаж картины. Озвучание и перезапись проводить, скажем, во Франции, используя смешанный капитал, а обратно в Китай фильм не ввозить. Так получается бесцензурный фильм. Но вместе с тем сто фильмов в год – это индустрия. Пекинская киношкола очень хорошо технически оснащена, педагоги все молодые, полностью ориентированы на американское кино. Учат, насколько я понимаю, достаточно эффективно основам ремесла. Молодые сценаристы, у которых, может, один-два фильма, имеют машины. У меня, например, пятнадцать, что ли, фильмов, я машины не имею. Вот такая, бросающаяся в глаза разница...

– Китайцы, значит, американизируются?

– При всей ненависти к Америке китайцы резко американизируются. Вернее, это не ненависть к Америке, а критика Америки, которая идет и сверху и снизу. Когда я приехал в Пекин, весь город был оклеен листовками с изображением Клинтона с усиками и надписью по-английски: *«Я поменял свое имя на Гитлер»*. Они вообще американцев напугали. Когда бомбы попали в китайское посольство, студенты пошли на американское посольство, забросали американцев всем, чем можно, и американцы страшно перепугались.

И китайцы очень переживали смену правительства Примакова. Во-первых, им сам Примаков нравился – он все-таки востоковед. Но в основном главная причина была в недовольстве: мол, вы опять займетесь своими внутренними проблемами вместо того, чтобы с нами дружить и всем идти на Америку.

Но вместе с тем Пекин американизируется... Ломают старые дома, над городом висит облако тысячелетней пыли и скрывает солнце, возводятся небоскребы, похожие на Эмпайр Стэйт Билдинг, западные магазины открываются... При этом модель страны такая: было сообщение в прессе, что страна вышла на второе место в мире по запасам золота. Достигается это двумя, насколько я понял, способами. Во-первых, они как-то решили крестьянский вопрос – отдали крестьянам землю. Крестьяне очень сильно богатеют сейчас. И второе: запретили вывоз капитала. Весь капитал от частной деятельности вертится внутри страны. Кто-то хранит его в чулке, но капиталу нужно работать, и поэтому все это, как котел... Пекин – это котел. Сейчас начинает взрываться, а лет через десять там будет рай для обывателя. Кроме того, китайцы дисциплинированны, китайцы – поклонники Конфуция. А Конфуций – это почитание старших, почитание начальства, трудолюбие, дисциплинированность...

– А компартия?

– А компартия как-то развивала эти конфуцианские черты. И старое поколение очень дисциплинированно. Многие сидели в лагерях как советские шпионы... Многие помнят времена лихолетья, когда, например, в том же Пекине вдруг были вырублены все деревья, потому что Мао Цзэдун решил, что деревья отнимают кислород. То же самое Гитлер решил про крапиву и каплевидную форму. А парадигма у тиранов одна и та же, психологическая. Китайцы помнят, как гоняли воробьев, и все воробьи перелетели на территорию советского посольства.

– Вспоминают об этом с юмором?

– Какой тут юмор! Это серьезная государственная кампания. Хунвэйбины пришли с трещотками в советское посольство, передали трещотки в дар послу и попросили трещать, чтобы выгнать воробьев. Посол, по легенде, сказал, что советский народ очень любит птиц, зябликов, зимородков и воробьев, и мы не можем с территории своего парка их выгонять. Старое поколение все это помнит очень хорошо... Но я ни разу за десять дней не слышал, чтобы кто-нибудь открыто критиковал Мао Цзэдуна, портрет которого до сих пор висит на стене императорского дома.

– И, может быть, будет висеть всегда.

– Может, будет висеть всегда. Метафизики в Китае я совершенно не заметил.

Мистика есть, а метафизики, как мне показалось, нет. И, как мне показалось, это во многом практическое наследие Лао Цзы и Конфуция.

У Лао Цзы есть удивительные стихи: *«Дао есть путь, Дао не есть путь»; « Если встретишь Будду – убей Будду»*. Эти две цитаты очень любит повторять мой друг Марк Шатуновский. Я еще до поездки говорил, что Китай – это постмодернисты с пятитысячелетним стажем, не более того. И на них надо ориентироваться. А съездив, понял: подобное мировоззрение уничтожило всякую мистику в той системе мистических предпочтений. Они принимают все, и вследствие этого все как бы не имеет смысла. У них этика, а не метафизика. И я думаю, что эта страна достигнет поразительных успехов в цивилизации в ближайшем времени, но духовного содержания какого-то (как и в большинстве стран, в которых я был) я там не заметил. Духовного в русском понимании. Духовности как устремленности к горнему.

– Такой духовности больше, наверное, нигде и нет, кроме России.

– Может быть, во многом это за счет православия... И может быть, американцы сознательно уничтожают православие, потому что поняли, что православие – это тормоз так называемой цивилизации. Потому что православие не учит человека работать на этой земле и делать из нее Царство Божие по единому ранжиру. Так что вполне возможно, что существуют не то что бы некие планы, а некое понимание, что православие является тормозом общемирового цивилизационного процесса. Но я думаю, что без православия мир просто окончательно оскудеет. Земля превратится в лучшем случае во французский или английский парк восемнадцатого столетия.

– В хоспис! Но ведь есть же арабы еще и негры...

– Да. И негры, и арабы скажут свое деструктивное слово. Но все-таки Россия – это не арабы. и не негры. Великая литература хотя бы... Достаточно мощная духовная культура при полном неумении жить. Жить мы не умеем, не любим, не хотим. А если получается, прожигаем жизнь как можно скорее, – этим занимаются новые русские. Тотальным прожиганием самого себя, своих близких, всего, к чему прикасаются. Скорее сорвать, прокутить, прожечь – и умереть...

– Может, это потому, что русские знают, что они ближе к чему-то главному, небо становится ближе с каждым днем, как поет Гребенщиков?

– Я думаю, мы ничего не знаем. Просто в православии содержится некая, не слишком замутненная память о Спасителе и о первых веках христианства. Не замутненная именно государственными напластованиями и государственным влезанием в конфессиональный строй. То есть православие избежало теократической идеи подчинения себе всех и вся, но вместе с тем у православия был другой полюс и другие грехи. Такой цезаризм, что ли: когда император совмещал в себе в качестве высшей точки светскую и духовную власть.

Но не нам судить, что лучше, что хуже! Просто я говорю, что без православного склада личности мир оскудеет.

– Как ты воспринимаешь присуждение тебе премии Каннского фестиваля?

– Это оказалось чуть ли не одним из самых серьезных испытаний для меня после потери мамы. Все время себе говорю: это бред уже, скоро, может, жизнь совсем прекратится. Но, может, еще месяц–два – и все уляжется. Поскольку мы публичные люди, я не могу тебе описать, в чем суть этого испытания. Но поверь, что для меня вся эта ситуация примерно на втором месте.

– А что ты сейчас пишешь?

– Ну во-первых, у меня есть кинематографические обязательства, не буду сейчас о них говорить. Есть задумки достаточно интересные в перспективе. Для себя очень хочу написать две прозы давно придуманные... Когда будет время... Одна – о первом веке христианства, здесь нужна основательная подготовка. Другая – о московской жизни шестидесятых годов, о мальчике, который одновременно присутствует на студии Эби Роуд в Лондоне, и здесь, на Сельскохозяйственной улице. Не знаю, когда это напишу... Стихи пишу время от времени, как обычно. Хотя, честно говоря, наверное, с января идет какой-то каток – не знаю даже, с чем он связан, – который очень сильно подминает меня. Именно каток активной социализации. Сделан фильм, Каннская премия потянула за собой много разных событий, которые не способствуют устойчивости психического мира.

Короче говоря, я очень долго держался в своей обочине, которая позволяла мне писать какие-то вещи в стол, для себя, которые я считал и до сих пор считаю наиболее удачными. Одна из главных книг, написанная на обочине, – это «Механика судеб». Плюс корпус стихов. Может быть, осенью один человек издаст наконец книжку, которая ликвидирует этот провал в моих стихах с 92-го года, когда книжки не выходили. Может быть, издаст, может быть, и нет...

Но в любом случае все эти долгие годы эта обочина существовала, я ее обстроил, я ее обустроил и сенца подостлал, и подушечку положил из листочков, и крапивкой накрылся и отдыхал. А сейчас вихрь социализации смыл листву, и подушка потерялась, и я вынужден ступать на этот автобан. А если я ступлю на автобан, я уже идти по нему не смогу, мне понадобится машина. Потому что, когда все едут по автобану, смешно по нему пешком идти. Одно дело, когда ты на обочине сидишь, и другое – когда на автобане. А если я поеду по автобану на машине, то конец будет такой же, как у всех людей, которые едут на машине. Глубокая травма, пробка и автокатастрофа...

В какие-то минуты я ощущаю, что уже перестаю себе принадлежать. Это очень трудно объяснить, но некое количество обязанностей: работа в институте – это работа с людьми, очень вещь тонкая и чрезвычайно ответственная; плюс работа в газете, потому что, если бы не работа в газете, неизвестно, на что бы мы жили, потому что кино... там то есть деньги, то нет... Плюс какие-то общественные обязательства, от которых я бегу. В общем, я чувствую, что меня выталкивают на автобан. И мне остается либо обзаводиться машиной, либо бросаться под эту машину. Может быть, есть еще третий путь – уползти обратно в окоп?..

Удача в кино, пусть относительная, тащит за собой какие-то предложения. Можешь, конечно, на них не отвечать. Но раз не ответишь, два не ответишь, а на третий подумаешь, ты что, вообще охренел? Ты что о себе думаешь? Тебе в руки идет работа, как можно отказываться от нее?! Ты принимаешь на себя эту работу – и ты уже на автобане. Говоришь: нет, я не поеду. Не поедешь, тогда ложись под колеса. На автобане нельзя прогуливаться... Ты спросил о том, что со мной происходит, и я о том, что со мной происходит, стараюсь тебе откровенно сказать. Беда в том, что я не могу разобраться, чего сам хочу. Я хочу спокойствия и тишины, но я не знаю, как при спокойствии и тишине – уже в данном моем статусе, – можно исполнять какую-то общественную работу.

– Уж не думаешь ли ты уйти из ВГИКа?

– По идее, надо бы уйти отовсюду и на все положить, чтоб не попасть под колеса. Но я боюсь, что уже то ли поздно, то ли не удастся. Существует еще большая инерция. Физические тела инерционны, и я думаю, духовные тела тоже инерционны. Так что я, как говорится, на Божью милость уповаю, молюсь и уповаю на помощь близких мне людей.

– Ты читаешь где-нибудь стихи?

– Практически нет. Я не вижу смысла совершенно в превращении вещей... Мне кажется, что чем больше отдаешь себя вещи, чем больше в нее вкладываешь, тем меньше она должна быть товаром.

Стихи для меня – вещь достаточно... я все стараюсь делать с максимальной отдачей. Но я знаю, что стихи выражают меня больше, чем сценарий. Сценарий пишется для кино, для экранизации, его делает пусть мой друг, но другой человек, не я сам. И поэтому мне кажется, что сценарий – это товар, а стихи – совсем не товар. И когда люди стихи превращают в товар, то получается много печальных ситуаций, фамилий я называть не буду... Ты, наверное, сам ощущаешь ущербность этой ситуации. Очень сильно в мире развито отчуждение. Такое ощущение, что на Западе построили некий порядок вещей, отлаженную систему, сугубо механистическую, которая в большой степени регулирует жизнь людей. И в последнее время она перестала регулировать жизнь, а стала этой жизнью управлять.

Наверное, регулирование и управление – все-таки разные вещи. Как произошла эта подмена, я не знаю, здесь нужно быть тонким политологом и социологом. Некое зомбирование, навязывание человеку определенной продукции, достаточно жесткое навязывание поведенческих структур (причем не структур, которые могут быть хороши, а могут быть и не очень хороши). Через рекламу, телевидение, через газеты – все это сужает поле свободы, поле свободной воли. И, кроме всего прочего, на Западе достигнут такой эффект: чем больше человек привязан к мирским благам, тем он покорнее.

– Приобретательский инстинкт гипертрофированно развит за счет творческого. Условно говоря, яппи укрепился в индивидууме за счет подавления в себе хиппи.

– Да. Тот взрыв культуры, который наблюдался в шестидесятые годы на Западе (роккультуры, концептуального искусства и так далее), был во многом связан с последствиями Второй мировой войны и с определенной экономической неустроенностью, которая, оказывается, значительно полезнее для искусства, чем отрегулированный потребительский рай.

– Значит, нам повезло в этом смысле?

– В этом смысле нам повезло. У нас действительно очень много духовных людей, у нас до сих пор как два человека сядут (типа нас!), они вряд ли когда-нибудь свою беседу закончат. Это бесконечное переливание из одного в другое. Но все-таки у нас этот процесс принимает какие-то крайние формы... Но в целом ситуация для мысли, для так называемой духовности и так далее, здесь более предпочтительна. Потому что, с одной стороны, нужда, а с другой – традиционная культурная ориентация являются некими гарантами духовной деятельности.

Хотя, надо сказать, все равно постмодернизм шагает по стране, он собирается уходить из столиц, поднадоел, но неизвестно что идет ему на смену. Может быть, новая метафизика, а может быть, вообще ничего не идет. Я думаю, что в конце концов масскультура убьет и постмодернизм в том числе, не только традиционную культурную ориентацию. А в провинции – это до сих пор очень модное направление. Например, последний роман Пелевина у нас не имеет такого успеха, а провинция еще не перешагнула эту критическую планку.

– В провинции, может быть, сейчас и Пелевина не читают.

– Да нет, многие читают – в университетских городах, за Уралом, в Сибири, студенты читают больше, чем у нас. Мы получаем письмо с Алтая, из деревни: пришлите картину «Тихие страницы» на видео, я хочу показать ее своим школьникам – это учительница пишет.

– По-моему это хорошо!

– Не знаю, хорошо ли, не знаю, что будет со школьниками... Но когда получаешь такие письма, то понимаешь, что до сих пор в России существует тяга ко внешне ненужным вещам, вроде нашего кинематографа. Не всех интересует то, что утилитарно, интересует и то, что совершенно не утилитарно и даже антиутилитарно. Это существует в России, и это, конечно, очень приятно для таких людей, как я.

– А как у тебя с Западом отношения складываются?

– У меня никак отношения с Западом не складываются, за исключением того, что я сейчас стал получать некие предложения работы там.

– Это Голливуд?

– Нет, не Голливуд... Я думаю, что в Голливуд мне путь закрыт. Не Голливуд, но Европа.

– Франция?

– Англия. Но это не значит, что я уеду в Англию. Ты понимаешь, что я – сценарист и могу писать сценарии здесь, никуда не уезжая. Просто ты спросил, я ответил. В принципе можно попробовать. Просто я сейчас начал получать некие предложения...

– Это тот самый автобан и есть.

– Да, это тот автобан. Опять же нет никакой уверенности в том, что проекты эти состоятся, нет никакой уверенности, что у меня (по большому счету) будет к этому интерес. А без интереса ничего нельзя делать. Нельзя сшибать бабки без интереса. Нельзя заниматься кинематографом без интереса. Нельзя заниматься продажей самого себя без интереса. Везде должен быть интерес. У проститутки должен быть интерес. Иначе, что она за проститутка. А когда интерес подорван, ситуация драматическая.

– Юра, что же будет с Родиною, с нами?

– Перспективы невеселые. В стране борются две тенденции. Одна тенденция хаоса, которая сама по себе для художника весьма привлекательна, потому что как раз в понятие хаоса с точки зрения цивилизации входят всякого рода духовные моменты. Цивилизация думает не о хлебе насущном, а скажем, о какой-нибудь проблеме мироздания – это некий хаос. В западном варианте проблема страны-цивилизации пока не получается. Может быть, получится... Если получится, то, естественно, этот мир будет очень привлекателен для обывателя, но малопривлекателен для художника. С другой стороны, если цивилизация не получится, то для художника ситуация привлекательна, но она опасна для жизни. Тут художественное творчество с жизнью не сходится.

Будет ли найдена модель, которая уравняла бы интересы художника и интересы человека, живущего нормальной материальной жизнью, я не знаю.

Кроме всего прочего, очень большая, конечно, опасность в наступлении духовных суррогатов неофашистской идеологии. Это идеология не грубо националистическая, а как бы университетская, которая использует традиции философии Третьего рейха. Многие молодые люди подпадают под влияние этих идей, относятся к ним сугубо некритически. Идеологи становятся глашатаями какой-то духовности. На самом деле это не духовность, а явно перевернутое сознание, в социальном смысле таящее большие негативные последствия. Это очень серьезная опасность. Мы говорили о двух путях, а этот – третий... И посмотри, как этот третий путь совмещает два. Духовности хотели – вот вам духовность! А это суррогат духовности на самом деле.

– И опасность, и духовность.

– Да, да, все в одном лице. И понятен враг, и понятен друг. И есть терминологическая сторона, и есть ссылки на философов, которые у нас мало известны. У нас же как только произносишь имя какого-нибудь француза, все немеют. Раньше произносили *«Ролан Барт»*, сейчас *«Генон»*. Давняя русская традиция, еще Грибоедов это увидел... Как только произносится французская фамилия – всё, аут для русского сознания! Для русского университетского сознания больше ничего не нужно. И в этом смысле Барт и Генон – фигуры взаимозаменяющие. Несмотря на то что это люди совершенно разные, это одно и то же.

Это суррогаты духовности, которую несет в руках серая университетская масса. Потому что университеты у нас (в том числе и Московский университет) занимаются во многом рассадкой серой духовности.

– Деррида сюда приезжал, опять же.

– Деррида – полный аут! Какой там Серебряный век, какая русская философия – *Деррида приехал!*

– А сам что читаешь?

– Современного я давно ничего не читал, время от времени пролистываю новую прозу, того же Пелевина. Именно пролистываю. Но конечно, это недостаток с моей стороны. Все нужно знать, обо всем иметь аргументированные суждения.

– Может, и не надо? Не разорваться же.

– Да я и не могу сказать, что так уж сильно разрываюсь. Конечно, поэтический слой надорван, иных уж нет, а те далече. Вся наша компания... мало уже кто остался. Нина Искренко умерла. Алеша неизвестно где, Ерема (*Александр Еременко.* – **П.К.**) практически ничего не пишет, Туркин выбросился из окна, я не знаю, что это... Ваня... Ваня где-то на Алтае... (*Иван Жданов.* – **П.К.**) Так что на самом деле как целое поколение наше уже не существует... Но может, так и нужно, из поколения выкристаллизовываются отдельные персонажи, а чтобы шагать поколением, нужно, наверное, моложе быть. До тридцати нормально, а в сорок это уже нонсенс, чтобы шагать сплоченными рядами...

– А кто ваш фильм пригласил в Канны?

– Никто не приглашал. Просто зимой приехал директор фестиваля Жакоб и попросил Сокурова только что смонтированный «Молох» ему показать. Тогда картина должна была ехать на Берлинский фестиваль. Посмотрел Жакоб и попросил картину на Каннский фестиваль. Сокуров подумал – и группа решила пойти навстречу Жакобу и играть по самым высоким ставкам, на самый престижный фестиваль... Жакоб попросил держать ото всех в тайне всю информацию до мая. Боялись, что будут какие-то интриги, что картину будут с фестиваля вытеснять и тому подобное.

Действительно, интриги состоялись кое-какие вокруг фильма... Например, одно французское издательство затеяло тяжбу, что название «Молох» уже ими зависировано для какого-то романа, забывая, что это – мифология, древний Карфаген, а вовсе не наша жизнь! Ну еще были всякого рода перипетии, рассказывать о которых сейчас я просто не имею права и не хочу.

– А тебя в Канны приглашали?

– Нет, приглашали Сашу (*Александра Сокурова.* – **П.К.**). И денег было настолько мало, что даже рекламный стенд не могли изготовить.

– Деньги должны были наши выделять? Госкино?

– Должны были продюсеры и Госкино. Продюсеры с советской и западной стороны – достаточно бедные все люди. Так что я в Канны не ездил и не страдаю от этого сильно. Тем более неожиданным для меня было, когда я в программе Киселева «Итоги» вдруг услышал информацию о премии. Это было, как звонок с того света. Как если бы позвонили и сказали: «Юрий Николаевич, сейчас с вами будет говорить Николай Васильевич Гоголь». И Гоголь бы мне сказал: «Привет!» И повесил трубку.

Жюри было неконъюнктурным, там совершенно не было лоббирования чьих-то интересов. Единственная парадигма мнения жюри состояла в следующем: не давать премии картинам, которые идут в мейнстриме, которые похожи на другие... Давать непохожим, давать картинам мрачным, давать картинам неутешительным...

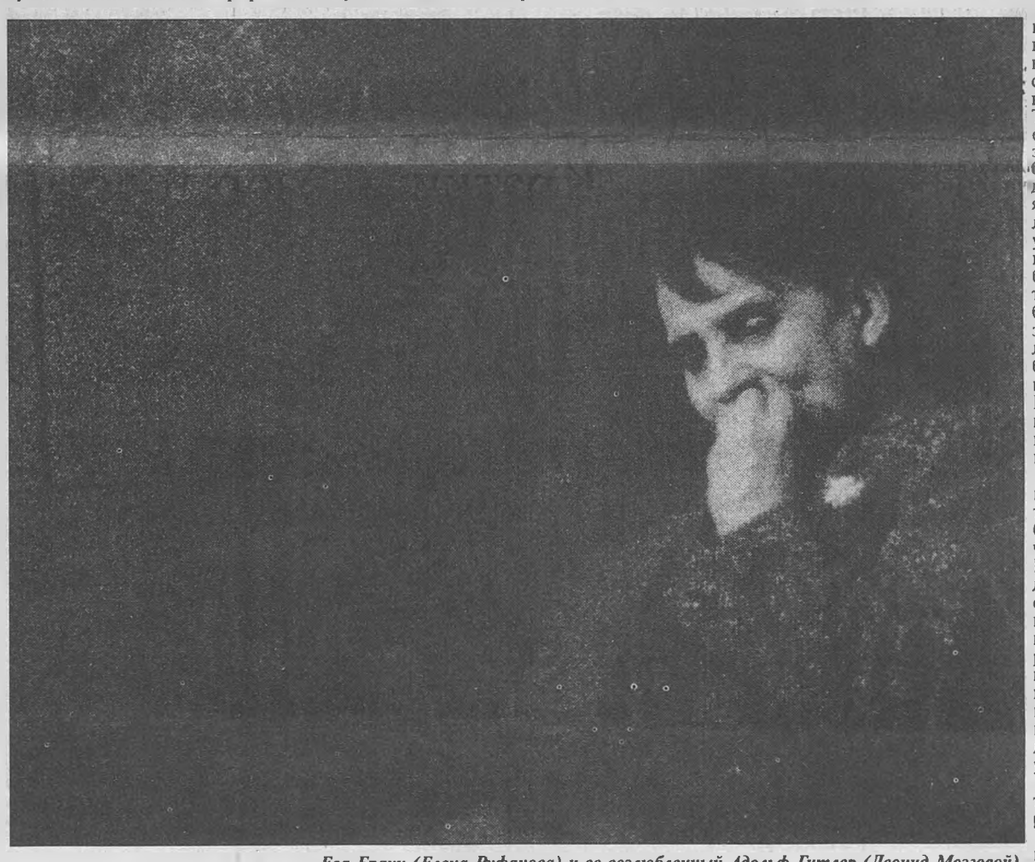
– То есть такое антиамериканское жюри.

– Да! Жюри возглавлял Кроненберг – режиссер нонконформист, несмотря на то что у него был свой фильм «Муха», голливудский. Но, кроме того, у него много картин *внеголливудских*. И он решил на фестивале сделать акцию. В последние годы фестиваль действительно раздавал призы картинам утешительным, сладеньким и миленьким. Образец подобного рода – картина Бениньи «Жизнь прекрасна». Картина невыносима! О том, что жизнь прекрасна даже в концлагере. Докатились... Причем прекрасная жизнь основана не на христианском миросозерцании, а на чувственном. Люди, как собачки, как щенки. Дашь им конфетку, они уже на задние лапки, начинают лаять: о, как хорошо!

В последние годы такая продукция имела в Каннах успех. Но приехал Кроненберг, человек мрачный и амбициозный, человек, который любит конфронтацию со всеми, и он сделал свой выбор, в который попала и наша картина. Я уже говорил и еще повторяю, что я эту премию отношу на счет всей группы, и на счет режиссера. Потому что если режиссер сделал картину, которую можно наградить призом за сценарий, значит, эту картину режиссер сделал. Ведь в большинстве фильмов, которые у нас снимают, о сценарии сказать вообще что-либо трудно. Я говорю об особенностях своей профессии: это всегда полуфабрикат, и по результату очень трудно судить, состоялся полуфабрикат или не состоялся.

– Обычно твои сценарии – это качественная проза.

– Уточним: кинематографическая проза. Я обычно не пишу того, что нельзя снять, но стремлюсь при этом, чтобы присутствовало определенное литературное качество. Видимо, Кроненберг что-то почувствовал в сценарии, призов ведь на Каннском фестивале очень мало. Чрезвычайно мало. Это небезразмерный фестиваль, где тридцать призов. Тут всего было три Гран-при: за режиссуру, за сценарий, еще какой-то плюс актерские работы. Достаточно мало. Я думаю, что они хотели всем сестрам по серьгам раздать. Отметить разными призами фильмы, которые им понравились...



Ева Браун (Елена Руфанова) и ее возлюбленный Адольф Гитлер (Леонид Мозговой).